

**ИСТОЧНИКИ СТИЛЯ
В ОРАТОРСКОМ КРАСНОРЕЧИИ КИЕВСКОЙ РУСИ:
на материале торжественных слов Кирилла Туровского**

Кирилл Туровский, знаменитый оратор Киевской Руси, известен науке как уникальный стилист XII века. Его произведения неоднократно привлекали внимание таких исследователей, как В.П. Адрианова-Перетц, И.П. Еремин, Д.С. Лихачев, В.В. Кусков, О.В. Творогов, В.В. Колесов, М.Ф. Антонова, Е.Б. Рогачевская и др.

Особенностью ораторской прозы является уникальная ритмическая организация речи, приближающая прозаическую речь к поэтической. Так, Л.И. Сазонова пишет: «Торжественная ораторская проза обладает особо выявленным ритмом [...]. В произведениях эпидейктического красноречия ритм выступает как признак художественной речи, предусмотренный замыслом писателя-витии»¹. Если ритм есть признак художественной речи, предусмотренный замыслом писателя, то особенности ритмической организации текста позволяют судить о сути писательского замысла, и уникальная стилистика Кирилла Туровского говорит о некоем особом отношении этого оратора к своим произведениям и к задаче его как автора.

Ритм речи Кирилла во многом зависит от литературных источников его произведений. Медиевисты неоднократно указывали на библейские тексты как на источники стиля ораторского красноречия Киевской Руси, в том числе и произведений Кирилла Туровского. Так, описывая явление стилистической симметрии в древнерусской литературе, Д.С. Лихачев говорит: «Влияние книги псалмов, а отчасти и других поэтических книг Библии, было постоянным, периодически усиливаясь и сказываясь особенно явно в литературе “высокого стиля”»². Мысль об использовании Кириллом Библии, а именно библейских плачей, в качестве литературного источника высказана в статье Л.Н. Гридневой³.

И.П. Еремин, чьи труды о Кирилле Туровском заслуживают особенного внимания как наиболее исчерпывающие, объясняет уникальность кирилловой стилистики использованием особого рода амплификации, оформленной в виде триадных композиций⁴.

В.В. Колесов описывает уникальную стилистику Слов Кирилла как явление средневековой литературной топикки, использование автором топосов-символов⁵.

О.В. Творогов указывает на умение Кирилла использовать литературные традиции знаменитых проповедников древности и, следовательно, их произведения считает своего рода литературным источником Кириллова стиля⁶.

Такой литературный источник как гимнографические произведения, то есть богослужебные тексты, остается неисследованным по сей день. Однако именно он является основным источником для Кирилла Туровского, а использование этого

---

¹ Сазонова Л.И. Принцип ритмической организации в произведениях торжественного красноречия старшей поры // ТОДРА. – М.; Л., 1974. – Т. 28. – С. 37.

² Лихачев Д.С. Историческая поэтика русской литературы: Смех как мировоззрение и другие работы. – СПб.: Алетейя, 2001. – С. 159.

³ Гриднева Л.Н. Страсти Господни и Благодать в пасхальном цикле торжественных Слов Кирилла Туровского // Святоотеческие традиции в русской литературе: Материалы научно-практической конференции. – Омск, 2005. – С. 34-41.

⁴ Еремин И.П. Ораторское искусство Кирилла Туровского // Литература Древней Руси: Этюды, характеристики. – М.; Л., 1968. – С. 132-243.

⁵ Колесов В.В. Средневековый текст как единство поэтических средств языка // ТОДРА. – СПб., 1997. – Т. 50. – С. 94.

⁶ Творогов О.В. Кирилл, епископ Туровский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Л., 1987. – Вып. 1: XI – первая половина XIV в. – С. 220.

источника позволяет говорить об особенностях писательской задачи автора. Обратимся к одному из торжественных Слов Кирилла и укажем используемый автором литературный источник.

Система цитат и реминисценций в языке Кирилла была рассмотрена нами на материале Слова «О снятии Тела Христова с Креста, и о мюроносицахъ, отъ сказания Евангельскаго, и похвала Иосифу». Это произведение более чем наполовину состоит из неточных цитат и вольного пересказа богослужебных текстов.

Сравним:

<i>«Слово Кирилла»:</i>	<i>Служба Страстной Пятницы:</i>
Вижю Тя, милое мое Чадо, на Кресте нага висяща, беззрачна, не имуща видения, ни доброты, и горько уязвляюся душою... ⁷	Вижу Тя ныне, возлюбленное мое Чадо и любимое, на кресте висяща, и уязвляюся горце сердцемъ... ⁸
...горько уязвляюся ду- шою. И хотела бых с Тобою умерети, – не терплю бо бездушна Тебе зрети... ⁹	...уязвляюся лютее утробою. Хотела быхъ съ Тобою умрети, Пречистая глаго- лаше: не терплю бо безъ ды- хания мертва Тя видети ¹⁰ .
Кде Ми, Чадо, благовествование, еже Ми древле Гавриил глаголаше..., Царя Тя и Сына Вышняго нарицающа... ¹¹	Где, Сыне мой и Боже, бла- говещение древнее, еже Ми Гаврииль глаголаше: Царя Тя и Сына Бога Вышняго нари- цаше... ¹²
Дерзнувъ вниде къ Пилату и въпроси глаголя: «Дажь ми, огемоне, тело страннаго оногo Иисуса...» ¹³	...въ ноци къ Пилату при- шедшаго и Живота всехъ ис- просившаго: «Дажь ми Сего страннаго...» ¹⁴

Характерно, что, произнося Слово в третье воскресенье после Пасхи, Кирилл прибегает к тем гимнографическим произведениям, которые звучали в Церкви на Страстной седмице, то есть в неделю перед Пасхой. Так, например, киевский оратор цитирует тексты стихир и канона, которые поются вечером Страстной Пятницы. Важное место в произведении Кирилла занимает неточная цитата из стихир Иосифу Аримафейскому, поющаяся утром Страстной Субботы. Отрывки из произведений такого гимнографического жанра как ирмос многократно вкрапляются автором в Слово

⁷ Кирилл Туровский. Слово о снятии Тела Христова с Креста // Красноречие Древней Руси: XI-XVII вв. – М., 1987. – С. 81.

⁸ Троиць цветная. М., 1630. Л. 164.

⁹ Кирилл Туровский. Слово о снятии Тела Христова с Креста... – С. 81.

¹⁰ Троиць цветная... – Л. 165.

¹¹ Кирилл Туровский. Слово о снятии Тела Христова с Креста... – С. 81.

¹² Троиць цветная... – Л. 166.

¹³ Кирилл Туровский. Слово о снятии Тела Христова с Креста... – С. 82.

¹⁴ Троиць постная... – Л. 498.

и также относятся к богослужебному циклу Страстной седмицы. Оратор как бы заставляет слуша-теля вернуться во время и пространство предпасхальных богослужений, вспомнить ритм и мелодии «страстных» песнопений, а значит и молитвенное настроение тех дней. По-видимому, возвращение к этому настроению является одной из главных целей оратора.

Слово настолько пронизано цитатами и реминисцен-циями из гимнов, что, кажется, задача писателя лишь в соединении различных отрывков в единый текст, и автор-ская речь только обрамляет гармоничную мозаику цитат. Особенного внимания заслуживает характер цитирова-ния. Кирилл Туровский, как правило, не дословно приво-дит богослужебный текст: он либо близко пересказывает его, либо изменяет в нем несколько слов, либо соединяет и переплетает между собой отрывки из двух, а то и трех разных тек-стов. Кроме того, автор нередко вставляет внутрь цитаты свои слова, то есть расширяет цитируемый текст с помощью приема амплификации. Так, например, описывая плач Иосифа Аримоефейского в Слове, Кирилл цитирует несколько богослужебных текстов. За основу ав-тор берет одну из стихир Страстной Пятницы и, приводя отрывки из этой стихире, вставляет внутрь каждого отрывка либо свои слова, либо цитаты из других гимно-графических произведений. При этом стилистически весь плач у Кирилла уподоблен взятой за основу страстной стихире, о чем говорит использование приема анафоры. В итоге этот период в тексте оратора представляет собой сложнейшую мозаику из богослужебных текстов и собст-венных слов автора.

«Слово Кирилла»:

Служба Страстной Пятницы:

Како пречистемь
прикоснуса теле
Твоемь, неприкос-
новьнну Ти сущу
небесным силам,
служащимъ Ти
страшно!

Кацеми же плаща-
ницами обию Тя,
повивающаго мъглою
землю и небо облакы
покрывающаго!

Или **какы** воня възлею
на Твое святое тело,
Емуже дары съ вонями
пърсьстии принесъше
цесари, яко Богу покла-
няхуся, преобраующее
Твое за вьсь мiр умерш-
вление!

Кыя ли надгробьныя
песни исходу Твоему
Въспою, Емуже въ
вышних немолчьными

Како погребу Тя, Боже мой,

...

...или **какою** плащаницею
обвию; ...

...или **кия** песни воспую
Твоему исходу, Щедре...¹⁵

¹⁵ Триодъ цветная, XVI в. НИОР РГБ, ф. 304.I. Собр. Тр.-Серг. лавры, № 399. Л. 79–79, об.

гласы Серафими
поют!..¹⁶

Как будто не удовлетворяясь теми скорбными восклицаниями, которые отражены в песнопении, Кирилл добавляет к ним новые восклицания и тем самым, во-первых, усиливает описание плачевного настроения Иосифа, а во-вторых, задает всему торжественному слову ритм церковного молитвословия.

Подобные амплификации неоднократно встречаются в переводной литературе Киевской Руси, например, в торжественных словах Иоанна Златоуста (см. его толкования Ветхого и Нового Заветов) и поучениях Ефрема Сирина (например, в Слове об Иосифе Прекрасном) с тем лишь отличием, что древние авторы включали амплификацию в пересказ библейского текста, а Кирилл Туровский – в вольное цитирование богослужебных произведений. Роль же цитат и амплификаций в обоих случаях одна – они задают торжественному Слову такой ритм, который приближает его к молитвословию и создает у слушателей молитвенное настроение.

Создание молитвенного настроения является главной задачей знаменитого оратора Киевской Руси, поэтому он и прибегает к богослужебным текстам как к литературному источнику. Пожалуй, мы не можем сейчас с точностью определить, является ли цитирование гимнографии сознательным или невольным. Можно предположить, что Кирилл Туровский знал наизусть многие богослужебные тексты и непроизвольно вкраплял их в свои произведения. Однако, можно предполагать и другое, а именно, что он сознательно обращает внимание слушателей к какому-то конкретному гимнографическому произведению. Неслучайно в рассмотренном нами Слове чаще всего цитируется один и тот же богослужебный текст – канон Страстной Пятницы, который, по замыслу автора, наиболее соответствует выбранной для проповеди теме. В любом случае стилистическое оформление Слов Кирилла и особенности вкрапления цитат возвращают слушателей и читателей к богослужению, то есть к молитве. Ритм Кирилловых Слов – это молитвенный ритм.

Такое отношение к авторской задаче оратора вполне соответствует православному учению о непрестанной молитве. Кирилл Туровский, как известно, является не только оратором, но и гимнографом Киевской Руси. Его перу принадлежит несколько богослужебных произведений, таких, как покаянные и молебные каноны, «Цикл седмичных молитв» и др.¹⁷ Именно молитва поставлена во главу угла в его проповедях, но он, как тонкий психолог, не призывает к ней прямо, а привлекает к ней читателя и слушателя незаметно: ритмом повествования, цитированием молитвословий, использованием молитвенной метафоры. Именно так через пару веков будут строить свои произведения исихасты – приверженцы учения о непрестанной молитве и обожении. Кирилл несколько опережает появление исихастской литературы на Руси. Стилистические находки Кирилла найдут самый живой отклик у средневековых писателей в эпоху второго южнославянского влияния, то есть в период реформы литературного языка и распространения исихастского учения в славянских странах, что со временем позволит таким авторам, как Епифаний Премудрый и Пахомий Логофет, обратиться к наследию Кирилла как к образцу и литературному источнику.

Східнослов'янська філологія: Від Нестора до сьогодні:
Матеріали міжнародної наукової конференції.
– Горлівка: Видавництво ГДПМ, 2008. – С. 146-148.

¹⁶ Кирилл Туровский. Слово о снятии Тела Христова с Креста... – С. 83.

¹⁷ Рогачевская Е.Б. Цикл молитв Кирилла Туровского: Тексты и исследования. – М., 1999. – С. 7.

